

ТРУД И РАЗВЛЕЧЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

«Игры и зрелища» — название одной из статей Слепцова, перечисленных им на полях рукописи его фельетона «Речь, за которую я мог бы быть изгнан...» (см. выше, стр. 339). Статья в полном виде до нас не дошла. От нее сохранились лишь пять публикуемых отрывков. Относятся они к разным местам статьи и отражают разные этапы работы над нею (сильно правленные черновые рукописи и беловые автографы). Тексты отрывков расположены на отдельных разрозненных листах, взятых жандармами при аресте Слепцова в 1866 г. Когда в III Отделении эти листы шивались в тетрадь, они попали в разные места ее и оказались, таким образом, среди рукописей других статей и рассказов Слепцова.

Время работы Слепцова над статьей, по-видимому, незавершенной, определяется приблизительно. Это весенние месяцы либо 1865 г., либо 1866 г. Такой вывод следует из сопоставления имеющихся в тексте указаний, с одной стороны, на уже совершившуюся судебную реформу (она была введена 20 ноября 1864 г.), с другой стороны, на «минувшую масленицу», которую можно отнести и к 1865 г. и к 1866 г.

Несмотря на фрагментарность сохранившегося материала, замысел статьи ясен. Слепцов хотел раскрыть охранительную суть политики самодержавия и правящих классов в области организации досуга и развлечений народа и общества. Это главная тема. Но в ходе ее разработки Слепцов намеревался затронуть и ряд других вопросов русской общественной жизни того времени.

Сделаем некоторые пояснения к публикуемому тексту, располагая их в избранной нами последовательности печатаемых отрывков.

Фрагмент первый, снабженный заглавием, и, значит, начальный, содержит набросок общей характеристики духовной жизни общества в условиях бесправия самодержавного строя — жизни в состоянии пассивности и всесторонней регламентации: «маршрут нам прописан, на перекрестках столбы, а на столбах персты указующие».

В рукописи фрагмента 1-го имеется два вычерка. Текст одного из них — большего — содержит острую, в щедринской манере сделанную зарисовку фигуры рядового представителя «нашей будничной жизни в ее обыкновенном течении». Несмотря на сатирически-гротескный характер изображения, оно проникнуто болью за страдающего человека, всецело находящегося под игом нужды.

Фрагмент второй начинается с сатирической апологии отечественного «прогресса». «Благонамеренный автор» обозрения — обычная «маска» Слепцова в его фельетонах, обличающих реакцию и пошедших на сделку с ней либералов, — заявляет, что «долг каждого истинного гражданина повелевает ему» «утверждать и подкреплять в сердцах сограждан веру в то, что мы во всех отношениях стремимся вперед». Людям же, которые полагают, что «все наши успехи трын-трава», которые во всех «благих начинаниях» (правительства) видят «какой-то глазной отвод, какой-то фокус-покус», предлагается не доверять.

Очевидно, что «благонамеренный автор» имеет тут в виду последовательных демократов и их борьбу не за реформистские, а за революционные пути общественного развития. За свое «недоброжелательство» к мирному «шествию» прогресса эти люди давно уже получили достойное возмездие (намек на репрессии, которым были подвергнуты Чернышевский и другие революционеры 1861 года).

В поисках «новых доказательств нашей прогрессивности» «благонамеренный автор» берет для примера успехи, достигнутые в последние годы в области «народных гульбищ» и «публичных увеселений» в Петербурге. Мимоходом, для подтверждения мысли, что «лишние доказательства никогда не лишни», приводит ссылка на один из приемов внутренней политики Наполеона III. Уверенность императора Франции «в постоянстве верноподданнических чувств французского народа» не мешает ему принимать всё новые и «новые выражения этих чувств» в виде адресов «от представителей народа», хотя достоверно известно, что адреса эти составляются «в Сенате лицами, преданными императору».

Здесь очевиден намек на ту кампанию посылки верноподдашнических адресов Александру II, которая была организована властями в 1863—1864 гг., в связи с политикой царского правительства в Польше.

Чтобы показать «торжественное шествие» «обновленной» реформами русской жизни во всех ее областях, «даже и по части удовольствий», «автор» предлагает «оглянуться немного назад» и сравнить прошлое с настоящим. Все больше сбрасывая с себя маску «благонамеренного» рассказчика, Слепцов обращается затем к ряду сопоставлений и показывает при их помощи картину не «гигантского шага» вперед, а неуклонного движения общества в сторону реакции. «... время всеобщего напряжения и возбуждения страстей, — пишет Слепцов, — время шатания по трактирам, площадям и аудиториям, время публичных лекций, воскресных школ и разных историй» ушло. «Публичные лекции заменены публичными балами, воскресные школы — картами». Никаких «историй» уже нет. Здесь перечислен ряд политических и бытовых признаков русской общественной жизни с конца 1850-х до середины 1860-х годов, от возникновения в стране революционной ситуации до ее краха и наступления реакции.

Слепцов ставит задачу выяснить истинную причину столь быстрого и резкого изменения «вкуса публики».

«Может быть, обстоятельства изменились?» — спрашивает он, подразумевая под «обстоятельствами» существующий социально-политический «порядок вещей», изменение которого могло бы снять вопрос о борьбе с этим порядком. «Нет, обстоятельства, по-видимому, остались те же», — отвечает Слепцов.

И дальше он заявляет, что, по существу, не изменился и «вкус публики», т. е. что в стране по-прежнему существуют настроения общественно-политического недовольства и протеста: человек «скучает», «все ему представляется, что и то не так, и это нехорошо», он ходит и ищет «к чему бы придраться», его «одолевают нестерпимое желание произвести скандал». Но «благоустроенное общество» «никогда не допускает своих членов до такой крайности». Для предупреждения этих «буйных порывов» в распоряжении правящих классов и их государственного стража — самодержавия — «есть тысячи средств, тысячи занятий, имеющих свойство отвлекать внимание от предметов уж чересчур щекотливых».

В последних трех фрагментах публикуемого текста (два из них имеются в двух вариантах) Слепцов сосредоточивается на характеристике некоторых средств, используемых правительством и реакцией «для обуздания страстей», т. е. для отвлечения общества и масс от настроений социального недовольства и протеста. Это «танцевальные вечера», «буфеты», «азартные игры», «разного рода зрелища и картины по преимуществу соблазнительного содержания» и т. п. для «образованных» слоев. Это «гульбища», «балаганы», «зверинцы», прежде всего «спиртные напитки» для «простого народа».

Однако, констатирует Слепцов, в народе замечается все растущее «охлаждение» к таким «удовольствиям». «Некоторые изменения, случившиеся в последнее время в экономическом быте народа» (падение крепостного права), повысили его сознательность. Взгляд народа «как на свое положение, так и на все окружающее» стал «гораздо глубже и сосредоточеннее». Но перемена эта, по мнению Слепцова, «выразилась в городском населении гораздо резче, нежели в сельском, хотя, по-видимому, должно было случиться наоборот». В связи с этим наблюдением в тексте четвертого фрагмента возникает тема крестьянской пассивности, противопоставляемой относительной активности городского населения, которое «так или иначе» «всегда принимало более или менее деятельное участие во всякого рода движениях, исходивших из центров...»

Одной из задач статьи «Игры и зрелища» было, по-видимому, выяснить значение «труда» и «развлечений» («наслаждений») для разных групп населения. В последнем из публикуемых фрагментов, пятом, Слепцов приступил к разработке этой темы применительно к «рабочему классу, т. е. классу людей, занимающихся чисто механическим трудом». Он высказал по этому вопросу ряд общих замечаний в духе идей утопических социалистов (о праве на «наслаждения» и т. д.), но в дошедшем до нас тексте эта тема не получила сколько-нибудь полного развития.

ИГРЫ И ЗРЕЛИЩА

<1>

Наша домашняя жизнь так искусно сложилась, да и мы сами к ней так давно приладились, что совсем почти и не чувствуем так называемого бремени жизни *. Мы ничего не требуем от судьбы, и с благодарностью принимаем все, что она по благодати своей нам ниспосылает. А потому мы и не чувствуем угрызений совести. Нам нечего желать, раскаиваться не в чем. Лежит перед нами наш жизненный путь, маршрут нам прописан, на перекрестках столбы, а на столбах персты указующие.

Жизнь наша сама собой треснула как раз по самой середине и распалась на две равные части: на труд и безделье, на будни и праздник. Потому-то нам так легко и живется **.

<2>

Что вы там ни толкуйте, а мы идем-таки вперед. Это факт. Надо быть очень предубежденным или очень мнительным человеком, чтобы не заметить или, вернее, не хотеть замечать этого торжественного шествия ***.

Конечно, многие самое слово *прогресс* понимают как-то навыворот и придают ему различные кривые толкования. Для таких людей, разумеется****, все наши успехи — трын-трава. Во всех наших благих начинаниях видится им какой-то глазной отвод, какой-то фокус-покус.

Да об этих господах и говорить нечего. Им только и дела, что подсмотреть что-нибудь и сейчас же начать благовестить *****.

* *Далее зачеркнуто:* а) Мы отлично знаем цену труда, но умеем ценить и удовольствия; мы знаем также по опыту, как трудно добываются удовольствия, и потому безропотно и в чистоте сердца шесть дней делаем, а в седьмой — предаемся веселью; б) Легко и покойно веселой гурьбой идем мы прямою дорогой, не встречая нигде ни сучка, ни задоринки. Как по маслу текут скоротечные дни наши.

** *Далее зачеркнуто:* Что может быть скaredнее и безотраднее того унылого вида, который представляет собою картина нашей будничной жизни в ее обыкновенном течении? Что может быть постылее фигуры петербургского жителя, гонимого нуждою к месту исполнения его обязанностей? Один наружный вид его уже способен возбуждать тошноту и уныние. В это время он лишен даже человеческого образа; вместо лица у него замечается какой-то ландшафт, что-то тусклое, неподвижное. Это один из тех пейзажей, которые можно видеть на глиняном горшке, долго стоявшем на погребке. Травка не травка, вода не вода, вообще что-то мокрое, склизкое и холодное. Движения его в это время робки, взгляд беспокойный, положение тела понурое, склоненное долу, как у травоядных, из уст его, занятых жеванием, время от времени исходит какое-то неопределенное мгчание.

Таков бывает наружный вид петербургского жителя, когда любопытные взоры застают его в момент прискивания скудной пищи, в то время, когда нужда во образе <пропуск> пасет его на чухонской тундре. Несмотря, однако, на всю свою непривлекательность, такое зрелище способно скорее возбудить сожаление по той причине, что понурый вид и горизонтальное положение тела вообще вызывают участие.

Но совершенно другого рода чувства возбуждает тот же петербургский житель, когда он в ясный день, пригретый летним солнцем, выходит на лужок, насытив свою утробу, немножко порезвиться на свободе.

Ничего нелепее и безобразнее этой картины человеческого воображение представить себе не может.

*** *Далее зачеркнуто:* И действительно, куда ни обратит взоров своих современный наблюдатель, всюду представляется ему умиляющая душу картина всеобщего, плавного, мирного и постепенного течения... вперед. В литературе ли, в жизни ли, все равно. Наблюдательный глаз всюду заметит прогресс, нужно только уметь, а главное хотеть замечать.

**** *Далее зачеркнуто:* все это трын-трава и судебные реформы и самоуправление.

***** *Далее зачеркнуто:* Они давно уже получили достойное возмездие за свое недоброежелательство. Не умеешь смотреть на вещи, как следует, ну и не смотри, а коли уже не можешь отстать от скверной привычки подсматривать — молчи. Никто тебя не спрашивает, никто за язык не тянет.

Впрочем, все это клонится к тому собственно, чтобы доказать несомненность поступательного движения в нашем обществе. И хотя в настоящее время ни один благонамеренный человек в этом и не сомневается, тем не менее долг каждого истинного гражданина повелевает ему — всеми силами стараться утверждать и подкреплять в сердцах сограждан веру в то, что мы во всех отношениях стремимся вперед.

Лишние доказательства никогда не лишни. Так, например, со времен Коперника уже стало известно, что земля вертится вокруг солнца, однако и до сих пор время от времени появляются новые доказательства вращения земли вокруг солнца и никому они не кажутся лишними. Еще лучший пример того, что новыми доказательствами гнушаться не следует, видим мы в политике императора Наполеона III, по всей вероятности, ни на волос не сомнев(ающего) в постоянстве верноподданнических чувств французского народа к своему монарху. Однако это несколько не мешает ему милостиво принимать время от времени новые выражения этих чувств от представителей народа, даже, несмотря на то, что самый адрес заранее составляется в Сенате лицами, преданными императору, и что подавание адреса, в сущности, пустая формальность, не имеющая никакого смысла. Но это такой предмет, что, заговорив о нем, можно уйти слишком далеко. Речь идет о новых доказательствах нашей прогрессивности. Ходить за ними далеко незачем. Для примера на этот раз мы возьмем [народные гульбища], публичные увеселения в Петербурге *. Многие смотрят на увеселения слишком легко и не придают им большого значения. Такой взгляд не основателен. Стоит только оглянуться немного назад и сравнить то, чем занималась хоть бы наша петербургская публика год или полтора тому назад, с тем, что она делает теперь. Этого сравнения будет совершенно достаточно для того, чтобы уразуметь всю важность так называемых общественных удовольствий и очевидность успеха даже и по части удовольствий. Всякому петербургскому жителю не трудно будет припомнить то время, о котором здесь идет речь, — время всеобщего напряжения и возбужденных страстей, время шатания по трактирам, площадям и аудиториям, время публичных лекций, воскресных школ и разных историй. Все это было еще так недавно. И вот прошел какой-нибудь год с небольшим, и где мы? Публичные лекции заменены публичными балами, воскресные школы — картами; истории только ничем не заменились. Да и нет их, историй, слава богу.

Какая причина тому, что вкус публики так быстро и так неожиданно изменился? Может быть, обстоятельства изменились? Нет, обстоятельства, по-видимому, остались те же. Стало быть, причина этой перемены заключается в самом обществе, в его наклонностях и привычках.

Можно даже предположить, что вкус публики остался тот же, изменились только средства удовлетворения этого вкуса. А ведь если хорошенько разобрать это дело, так и окажется, что вся штука в этих средствах удовлетворения. Ту же самую потребность можно удовлетворять различными средствами, а если не удовлетворять, то, по крайней мере, заглушать.

Пока у человека не установились понятия, и чувства его находятся в брожении, особенно если человек скучает, то его одолевает нестерпимое желание произвести скандал. Все ходит и нюхает: к чему бы придраться? И все ему представляется, что и то не так, и это нехорошо. И если его не унять в это время или не дать ему возможность излить избыток сил своих на чем бы то ни было, то он непременно устроит что-нибудь непотребное и нестерпимое в благоустроенном обществе.

* *Далее зачеркнуто*: Кто не знает, какой гигантский шаг сделала наша публика на поприще публичных балов и так называемых танцевальных вечеров.

〈3〉

Человек в возбужденном состоянии пользуется всяким случаем, чтобы высказаться и прокричаться. Малейший повод, малейший намек раздражает его до такой степени, что остановить его в это <время> не совсем безопасно. Благоустроенное общество никогда не допускает своих членов до такой крайности. Оно предупреждает буйный порыв и отвлекает его.

У ВХОДА В ТЕАТР МАРИОНЕТОК НА ЯРМАРКЕ

Картина маслом И. М. Прянишникова, 1867 г.

Русский музей, Ленинград

«...так как доказано опытом, что глубина взгляда и сосредоточенность в низших слоях общества не приводит ни к чему хорошему, а влечет за собой только мрачные мысли и желание уклониться от исполнения своих обязанностей, то для предупреждения таких печальных последствий некоторыми спекуляторами были приняты энергичные и деятельные меры, состоящие в том, чтобы прискаты по возможности развлечения и для низшего класса общества» (Из фельетона Слепцова «Игры и зрелища»)

А для этого есть тысячи средств, тысячи занятий, имеющих свойство отвлекать внимание от предметов уж чересчур щекотливых. А для этого с успехом употребляются азартные игры, танцы, гимнастика, уединение и чтение книг нравственно-религиозного содержания, успокаивающие душу и направляющее ум на размышления о предметах неземных. И так как общество состоит из людей разных темпераментов и разной степени развития, то и средства должны быть избираемы соответствующие этим условиям. А по выбору этих средств можно судить и об насущных интересах общества и о степени его развития и наоборот.

Неразвитое, грубое общество всегда предается и удовольствиям более или менее грубым, ищет острых, б<ольше> физических наслаждений в пьянстве, буйстве, обжорстве, блудодействе или кулачном бое. Но, по мере того как общество развивается, и вкус, и требования его на этот счет изменяются. Человек образованный требует таких удовольствий,

которые бы действовали более на ум и сердце, как-то чтение, разговоры, театр, музыка, обращение с женщиной и различные игры*.

Средства эти, служащие, как уже сказано, для обуздания страстей, употребляются во всех цивилизованных обществах. Они употреблялись даже и в древности. Пример этого мы видим в римской истории, где сам народ сознавал пользу общественных удовольствий и сам требовал от правительства зрелищ, но в то же время требовал и хлеба. Это обстоятельство, как нельзя лучше, указывает на высокое значение публичных удовольствий в общественной жизни. Римский народ недаром формулировал свои требования так просто и определенно: *panem et circenses*. Хлеба и зрелищ. Наше современное общество не хуже римского сознало важность публичных увеселений и употребляет все средства для того, чтобы публика не скучала.

Разница между римским и русским обществами в этом отношении та, что римляне требовали увеселений от правительства, а у нас они изготовляются разного рода антрепренерами и спекуляторами, и на устройство какого-нибудь увеселительного заведения требуется только разрешение местного начальства. Наше общество, как более развитое, сравнительно с римским, пользуется предоставленным ему правом изобретать себе удовольствия и занятия по собственному вкусу. Все влияние местного начальства у нас ограничивается поощрением и запрещением таких или других удовольствий или занятий. Если же случится так, что у публики совсем отпадет охота веселиться, то в этом случае необходимо изобретать какие-нибудь новые развлечения или возобновлять старые, от которых уже все успели отвыкнуть, и таким образом старое получит значение новизны. Вообще публика не должна скучать, потому что мрачное расположение духа всегда влечет за собой недовольство и стремление к нарушению общественного порядка. Следовательно, скука не должна быть терпима в благоустроенном обществе. Очень успешное приложение этого принципа мы видели в продолжение всего нынешнего зимнего сезона, завершившегося сырною неделю.

Благодаря благоразумным мерам, принятым нынешний год для обеспечения веселости в обществе, наша публика решительно не имела времени скучать. Все публичные удовольствия отличались** удивительным разнообразием и заманчивостью. В этом отношении, бесспорно, первое место занимают танцевальные вечера, заведения, пользовавшиеся самым нежным вниманием публики в продолжение всего зимнего сезона и доставлявшие желающим ежедневно возможность проводить время в танцах и разговорах с девицами, которые для большего удобства публики имели вход бесплатный. Сверх того, при означенных танцевальных заведениях имелись буфеты, где можно было получать всякого рода закуски и вина лучших сортов, не говоря уже о том, что почти при каждом заведении можно было иметь отдельные комнаты для отдыха или интимного разговора.

* *Далее зачеркнуто:* Заговорив о нашей общественной жизни и об удовольствиях, нельзя не обратить внимания читателя на один замечательный факт, вполне подтверждающий высказанное выше положение о том, что средства, которые выбирает общество для развлечения в свободное от занятий время, служат мерилom для определенного развития этого общества.

Факт этот тем более убедителен, что каждый мог его наблюдать во время минувшей масленицы на народном гульбище, которое устраивается на Адмиралтейской площади.

Гульбища эти, как известно, всегда носили на себе отпечаток двух влияний, из которых сложилась и наша общественная жизнь,— азиатского [татарского] и немецкого.

** *Далее зачеркнуто:* небывалым воодушевлением. Все театры, клубы и прочие заведения были полны.

На расположение духа в публике оказывали также немало благотворного влияния и увеличения разного рода зрелищ и картин по преимуществу соблазнительного содержания, которые, как известно, имеют свойство возбуждать деятельность половых органов и таким образом способствуют сближению людей и увеличению цифры народонаселения.

Говоря об общественных удовольствиях, не следует забывать и о низшем [классе], о так называемом рабочем классе, который также не имел времени скучать и наравне с высшими сословиями пользовался свойственными его званию удовольствиями, чему немало способствовало удешевление спиртных напитков и чрезмерное увеличение числа питейных заведений. Кроме того, простолюдин, желающий повеселиться, мог во всякое время найти развлечение в так называемых *русских пирожковых заведениях*, где вместе с пирожками, пивом и водкою можно найти даже и постом приятную компанию в обществе более или менее красивых девиц с пением и национальною пляскою.

Попечение о рабочем классе в особенности резко бросалось в глаза в продолжение всей сырной недели. В последнее время, между прочим, замечено было в низших слоях общества какое-то охлаждение к тем невинным удовольствиям, которым народ с такою любовью предавался еще года два тому назад. Балаганы, паяцы и орехи, по-видимому, потеряли для него много своего прежнего значения. Некоторые изменения, случившиеся в последнее время в экономическом быте народа, значительно изменили его взгляд как на свое положение, так и на все окружающее. Взгляд этот стал как-то гораздо глубже и сосредоточеннее.

Но так как доказано опытом, что глубина взгляда и сосредоточенность в низших слоях общества не приводит ни к чему хорошему, а влечет за собой только мрачные мысли и желание уклоняться от исполнения своих обязанностей, то для предупреждения таких печальных последствий некоторыми спекуляторами были приняты энергичные и деятельные меры, состоящие в том, чтобы приискать по возможности развлечения и для низшего класса общества.

Для этой цели вновь введены были, запрещенные прежде, некоторые публичные игры и лотереи. Игры, в особенности лото, домино, фортушка и нечто вроде рулетки, оказали такое успешное действие и так понравились, что полиция нашла возможным дозволить их и в питейных заведениях, присоединив к ним и карты. Что же касается лотерей, то чрезвычайное размножение и процветание их в городе служит лучшим доказательством успешного применения этой меры и того удовольствия, которое они доставляют публике.

Сообразив все сказанное выше, нельзя не убедиться, что благоразумие и умение все более и более применяться к потребностям общества — служит отличительной чертой нашего времени; что, в свою очередь, служит несомненным признаком движения вперед. А это, собственно, и требовалось доказать.

<4>

Рядом с народным балагуром и утешником Петрушкой поместилась немецкая труппа акробатов и вольтижеров с чисто азиатским паклеедом и уже совершенно русскими горами. Еще прошлого года этих удовольствий было вполне достаточно. Народ пьянствовал, смотрел на паяцев, на зверей и на катающихся господ и затем ночевал в части. Но и прошлого года [заметен был] сильный упадок. Несколько лет уже замечено значительное охлаждение народа ко всем этим более или менее детским удовольствиям. Некоторые изменения в экономическом быте, случившиеся

в последние года, значительно изменили народный взгляд как на свое положение, так и на все окружающее.

Взгляд этот стал гораздо глубже и сосредоточеннее. Надо заметить, перемена эта выразилась в городском населении гораздо резче, нежели в сельском, хотя, по-видимому, должно было случиться наоборот. Впрочем, несообразность эта объясняется очень просто. Сельское население слишком удалено от главных административных центров, в которых воочию, так сказать, и совершаются всякого рода реформы и нововведения. Не говоря уже о том, что между народом и этими центрами лежат целые ряды разного рода искусственных исторических преград, имеющих целью парализовать всякое живое движение от центра к окружности, и наоборот. Единственный путь, посредством которого доходят до народа всякого рода реформы, — путь официальный, т. е. путь наименее способный возбудить в народе доверие. Понятное дело, что при таком устройстве машины сельское население всегда было чуждо нашим радостям и не могло делить с нами наших горестей. Совсем в другом положении было всегда городское население. Так или иначе оно всегда принимало более или менее деятельное участие во всякого рода движениях, исходивших из центров, на нем, как на ближайших точках, прежде всего отражался всякий новый толчок и притом отражался вовсе не так, как на сельском, до которого тот же толчок доходил уже в измененном виде, значительно потеряв первоначальную силу и облеченный в разные более или менее лишние бумажные украшения и обертки. В этом, собственно, и заключается как цивилизующее, так и развращающее свойство большого города. Городской житель потому уже развитее сельского, что он поставлен прямо лицом к лицу с цивилизующей и развращающей силой движения; он поневоле должен или сочувствовать, или противиться ему. А будучи поставлен в жизни в такое положение, он рано выучивается относиться к ней критически, выбирать и применять к себе то или другое правило, примыкая к той или другой партии, необходимо усиливает собой тот или другой лагерь, следовательно, сам становится силой.

Ничего подобного не заметно в сельском населении, которое составляет одну нераздельную массу, поставленную в необходимость просто принимать в себя все, что вносится в нее из административных центров. Масса эта не имеет возможности сравнивать, пробовать и выбирать, относится к этим движениям чисто пассивно*.

⟨5⟩

Но так ⟨как⟩ население Петербурга состоит не из одних только людей, посещающих балы, публичные дома и театры, и так как, напротив, именно эта часть населения составляет в городе меньшинство, то по всей справедливости следует принять в расчет всю массу городского населения или по крайней мере большинство, то большинство, которое имеется в виду при устройстве всякого рода публичных увеселений; сюда должны относиться люди всех сословий: чиновники, купцы, ремесленники, студенты, офицеры и солдаты. При этом не следует забывать, что люди, о которых здесь идет речь, народ трудящийся, т. е. такой народ, для которого развлечение и удовольствие, для которого, одним словом, праздник — вещь необходимая, как отдых от труда. Не следует забывать, что для этих

* Далее зачеркнуто: Таким образом, становится ясно различие между городским и сельским населением. Первое живет жизнью *активной* и так или иначе принимает деятельное участие в жизни всего государства, второе же *только* принимает чуждое ему и притом уже отраженное движение и, не обладая достаточной упругостью, ограничивается этим чисто *пассивным* восприятием движения.

людей развлечение не составляет роскоши, что рабочему человеку праздник служит удовлетворением физиологической потребности, и притом столь же важной потребности, как сон, баня и чистый воздух; что веселое расположение духа и отчасти легкомысленное препровождение времени один раз в неделю составляет необходимое условие, при котором труд из-за насыщающего хлеба может быть сносным.

К категории людей, имеющих неотъемлемое право на развлечение, следует отнести наконец и многочисленный так называемый рабочий класс, т. е. класс людей, занимающихся чисто механическим трудом. Эти люди больше, нежели кто-нибудь, имеют право пользоваться развлечением уже по самому свойству труда, не дающего рабочему человеку почти никакой возможности упражнять свои умственные способности — труда, лишаящего его того наслаждения, которое испытывает человек, занятый умственной работой. И так как жажду к наслаждениям никаким трудом убить невозможно, то понятно, что жажда эта * у плотника или водовоза несравненно сильнее, нежели у художника или ученого. Какого рода наслаждение, это другой вопрос.

Все дело в том, что труд как умственный, так и механический дает человеку неотъемлемое право на известного рода наслаждение, без которого настоящая и упорная работа превратилась бы в невыносимую пытку.

Наслаждение это рабочий человек отчасти изобретает себе сам, отчасти берет его уже совершенно готовое и заранее придуманное для него другими. В выборе этих наслаждений каждый, конечно, руководствуется личным вкусом, но самый выбор их и запрос на такого или другого рода наслаждение служит мерилom для определенной степени умственного и нравственного развития потребителей и дает возможность антрепренерам и спекуляторам изобретать новые наслаждения и, сообразуясь со вкусом публики, предлагать ей то или другое, по такой или другой цене.

На этом основаны все так называемые увеселительные заведения, публичные сады и гуляния, сюда же относятся и всякого рода зрелища, балаганы, зверинцы и проч. Если существует какое-нибудь увеселительное учреждение, то это показывает, что в публике существует известная потребность, которая и удовлетворяется этим учреждением; если же учреждение падает, то это служит признаком того, что потребность, которой удовлетворяло учреждение, или уничтожилась, или нашла себе другое удовлетворение. Но при этом не следует забывать, что одна и та же потребность может удовлетворяться различными средствами, средствами иногда, по-видимому, вовсе друг на друга не похожими. Так, например, я чувствую желание поразвлечься, но не слишком затрудняюсь в выборе средств для развлечения, я требую только, чтобы оно было не утомительно и действовало возбуждающим образом, положим, хоть на мое воображение. Если мне предлагают, ну, хоть чтение книги легкого содержания — я буду слушать и найду в этом удовольствие, но если мне предложат вместо книги прогулку при луне в сообществе с приятным собеседником, то я, по всей вероятности, и на это соглашусь, хотя между чтением и прогулкой при луне, по-видимому, большая разница. Возьмем другой пример. Я любитель сильных ощущений и нахожу удовольствие только в таких упражнениях, которые потрясают мои нервы.

<1865—1866 гг.>

Автограф. ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, лл. 59, 61, 74—91.

* Далее зачеркнуто: усиливается у чернорабочего.